
БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Юрьевскій. Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія.

Въ „Руководствѣ для с. паст.“ за 1899, 1900, 1901 и 1902 годы печаталось обширное сочиненіе А. Юрьевского *Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія.*

Сочиненіе это заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ, кто интересуется успѣхами проповѣди. Оно во всякомъ случаѣ оправдываетъ надежду, что гомилетика немедленно пріобрѣтетъ важное значеніе, какъ только займется вопросами, выдвигаемыми проповѣдническою практикою и имѣющими дать ей то цѣнное содержаніе, котораго она до сего времени не имѣла. Отъ всѣхъ нашихъ новѣйшихъ гомилетикъ, начиная съ *Чтеній о церковной словесности* Я. К. Амфитеатрова и кончая *Опытомъ полнаго курса гомилетики* М. Чепика *Наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія* выгодно отличается. Главный недостатокъ гомилетики Амфитеатрова въ томъ, что она разсматриваетъ проповѣдь, если не исключительно, то преимущественно съ литературной или словесной точки зрѣнія. Позднѣе появившіяся гомилетики — *Записки по богословію собородовителюму* арх. Аванасія, *Руководство къ церковному собородованію* прот. Фаворова, *Краткая гомилетика* прот. Поторжинскаго и *Опытъ полнаго курса гомилетики* Чепика — только въ нѣкоторой степени самостоятельны въ изложеніи, находясь по содержанію въ полной зависимости отъ гомилетики Амфитеатрова и раздѣляя съ нею ея недостатки. Гомилетика А. Юрьевского, какъ наука

о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія, порываетъ съ этою традиціею, вполне независима отъ нея и потому представляетъ изъ себя гомилетику по сравненію съ предшествующими трудами изъ этой области вполне съ новымъ содержаніемъ.

Впрочемъ мысль о самостоятельности труда А. Юрьевского нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Кромѣ цѣльныхъ гомилетикъ и независимо отъ нихъ, нуждами проповѣднической практики за послѣдніе годы порождено громадное количество журнальныхъ статей и брошюръ по вопросамъ гомилетики. Эта мелкая гомилетическая литература съ полною ясностью свидѣтельствуешь, на сколько наши гомилетики отстояли далеко отъ проповѣднической практики и какое интересное содержаніе имѣла бы гомилетика, если бы она занялась тѣми же живыми вопросами, которые обсуждаются въ послѣдніе годы въ мелкой гомилетической литературѣ. Г. Юрьевскій съ заслуживающимъ полного одобренія вниманіемъ изучилъ эту послѣднюю литературу и вполне использовалъ ее для своего труда. Ни одной мелкой статьи не только въ толстыхъ журналахъ, но даже въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, авторъ, кажется, не оставилъ безъ вниманія. Въ этомъ опора его свободы отъ предшествующихъ гомилетикъ, но въ этомъ же, какъ увидимъ, объясненіе недостатковъ его гомилетики: оказалось, что онъ однѣ цѣли смѣнялъ на другія. Мелкія журнальныя статьи и брошюры, обсуждающія частные вопросы гомилетики, не имѣютъ и не могутъ имѣть общаго принципиальнаго содержанія: г. Юрьевскій, сшившій ихъ въ одну тетрадь, не постарался объединить ихъ таковымъ содержаніемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣню гомилетики Юрьевского по существу, считаемъ долгомъ отмѣтить, что весь этотъ обширный трудъ исполненъ тщательно, каждый параграфъ его обработанъ съ одинаковымъ вниманіемъ, весь онъ написанъ языкомъ правильнымъ и чистымъ, его тонъ серьезный и степенный выдержанъ съ начала до конца: съ внѣшней стороны онъ производитъ пріятное впечатлѣніе. И содержаніе его въ частности—независимо отъ общаго содержанія, плана и цѣлей гомилетики какъ науки—представляетъ большой интересъ. Напр. въ параграфѣ (45) о способахъ приготовленія къ проповѣди авторъ пишетъ: „Въ

субъективномъ отношеніи богослужебно-храмовая проповѣдь есть плодъ умственного труда проповѣдника, есть изложеніе его христіанскихъ убѣжденій, результатъ его мыслительной дѣятельности, направленной къ упорядоченію, расположенію и уясненію тѣхъ познаній и свѣдѣній, какія имъ пріобрѣтены были раньше относительно извѣстнаго предмета, и его личныхъ размышленій. Только то слово проповѣдника можетъ быть названо въ полномъ и истинномъ смыслѣ проповѣдью, идеи котораго созрѣли въ умѣ проповѣдника еще задолго до произнесенія слова и были ему, такъ сказать, знакомы и родственны. Если мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что существуютъ двѣ категоріи проповѣдниковъ, произносящихъ проповѣди своего составленія. Проповѣдники одной категоріи, намѣреваясь выступить въ извѣстный день предъ слушателями на кафедрѣ, начинаютъ за нѣсколько дней предъ этимъ читать различныя сочиненія и сборники выдающихся проповѣдниковъ, стараясь извлечь изъ нихъ нѣсколько мыслей, такъ или иначе относящихся къ тому предмету, о которомъ они предположили сказать слушателямъ слова. Собранныя ими отовсюду разрозненныя мысли въ одно цѣлое они, послѣ легкой переработки, предлагаютъ слушателямъ въ качествѣ церковно-проповѣдическаго слова. Иначе смотря на пользу чтенія книгъ и на необходимость размышленій проповѣдники второй категоріи. Будучи постоянно заняты божественною истиною, они изучаютъ ее и размышляютъ о ней—не съ тою, однако, спеціальною цѣлію, чтобы приготовиться къ извѣстной опредѣленной проповѣди, но съ цѣлію полного и глубокаго воспріятія этой истины въ свое сознаніе и сердце, съ цѣлію общаго расширенія своего умственного кругозора, пріобрѣтенія той широты и зрѣлости характера, которая столь необходима истинному проповѣднику. Всегда нося въ сердцѣ своемъ глубокое убѣжденіе въ истинности христіанскаго ученія, воспринявъ истину христіанства всѣмъ существомъ своимъ, они всегда имѣютъ наготовѣ и предметъ и частныя мысли для своего слова; имъ нѣтъ нужды каждый разъ сшивать свои проповѣди изъ различныхъ отдѣльныхъ лоскутовъ и отрывковъ; имъ достаточно лишь обратиться къ своему духу, уйти внутрь себя и тамъ отыскать тѣ мысли и идеи, которыя относятся къ намѣченной

ими темѣ, чтобы выступить предъ пасомыми съ живымъ словомъ христіанскаго убѣжденія. Нѣтъ сомнѣній, что изъ указанныхъ двухъ категорій проповѣдниковъ наиболее близко стоятъ къ идеалу истиннаго проповѣдника представители второй категоріи“. Столь же хорошо говоритъ авторъ о психологическомъ элементѣ проповѣди. „Проповѣдь, напр. о любви, пишетъ онъ (46), чтобы могла произвести дѣйствительное, болѣе или менѣе живое впечатлѣніе на слушателей, должна быть полна сильнаго и глубокаго психологическаго анализа. Этотъ анализъ долженъ самымъ живымъ, самымъ нагляднымъ образомъ показать, что тотъ человѣкъ, который постоянно питаетъ въ отношеніи къ своимъ ближнимъ враждебныя, непріязненныя чувства, есть жалкое, несчастное и даже вредное существо; что таящаяся въ немъ вражда гложетъ и подтачиваетъ его сердце, мучитъ его внутреннюю жгучею болью, вытѣсняетъ изъ сознанія его всѣ благороднѣйшія и возвышеннѣйшія чувства и мысли, вносить въ его духовный, внутренній міръ тьму и разрушеніе, унижаетъ и развращаетъ его нравственно-разумную природу и вводитъ элементы разложенія даже въ семейную и общественную жизнь“. Также къ лучшимъ страницамъ разсматриваемаго сочиненія принадлежатъ параграфы о молитвенномъ настроеніи пастыря (16), объ обычной неблагопристойности и невразумительности чтеній слова Божія за богослуженіемъ (37), о непонятности славянскаго перевода церковныхъ пѣснопѣній (31) и др. Наилучшее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ страницъ ослабляется лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ представляютъ изъ себя не что иное, какъ выдержки изъ разныхъ статей или перифразъ ихъ, хотя, конечно, было бы еще хуже, если бы авторъ скрывалъ свои заимствованія. Но авторъ не принадлежитъ къ категоріи молчаливо крадущихъ словеса у ближняго своего и добросовѣстно указываетъ свои источники. Указанное обстоятельство было бы совершенно ничтожно, если бы г. Юрьевскій не ограничился кропотливымъ собираніемъ бывшаго у него подъ руками матеріала, но внесъ бы въ него принципиальное освѣщеніе, идейный элементъ, чего мы у него къ сожалѣнію не находимъ.

Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи слова Божія состоитъ изъ предварительныхъ свѣдѣній, введенія

и четырехъ частей изслѣдованія. Въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ авторъ разсуждаетъ о проповѣданіи слова Божія, какъ долгѣ каждаго христіанина и какъ главной обязанности духовныхъ пастырей, даетъ понятіе о цѣли проповѣди и опредѣленіе гомилетики, сообщаетъ историческія свѣдѣнія о наукѣ проповѣдничества, наконецъ опредѣляетъ понятіе о проповѣди, характеръ и составъ гомилетики. Предметъ введенія—проповѣдникъ и его качества. Самое ученіе о церковно-пастырской проповѣди распадается на четыре части: 1) проповѣдь педагогическая (школьная); 2) проповѣдь церковно-богослужебная (храмовая); 3) проповѣдь внѣбогослужебная, гдѣ рѣчь идетъ о такъ называемыхъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, и 4) проповѣдь миссіонерская.

О гомилетикѣ, построенной по такому плану, самъ авторъ разсуждаетъ такъ: „опредѣляемое указаннымъ дѣленіемъ пастырской проповѣди содержаніе гомилетики даетъ послѣдней характеръ *чисто національный, русскій, совершенно самостоятельный и нисколько независимый отъ гомилетическихъ направленій запада*“ (§ 8). Такимъ образомъ самъ авторъ возлагаетъ на свою гомилетику большія надежды. Это даетъ намъ право посерьезнѣе и строже отнестись къ его труду.

Обозрѣвая планъ *науки о пастырскомъ проповѣданіи слова Божія*, мы видимъ, что ея центръ тяжести лежитъ въ дѣленіи, проповѣди на четыре вида; все ученіе о церковно-пастырской проповѣди авторъ сводитъ къ разсужденію объ этихъ видахъ проповѣди. Это дѣйствительно оригинально, но... по меньшей мѣрѣ странно. Указанные четыре вида проповѣди, это не что иное, какъ виды народности и современности проповѣди, ея приспособленія къ слушателямъ, времени и мѣсту. Такимъ образомъ авторъ всю гомилетику сводитъ къ вопросу о видахъ народности и современности проповѣди, т. е. къ тому, что въ гомилетикѣ должно составить одинъ параграфъ. Въ этомъ планѣ не нашло себѣ мѣста все существенное содержаніе гомилетики, вся ея принципиальная часть, которая должна бы помѣститься между введеніемъ и ученіемъ о видахъ проповѣди: здѣсь мы встречаемъ пробѣлъ, поистинѣ изумительный и единственный въ своемъ родѣ! Удивительно, какъ самъ авторъ не замѣтилъ этого пробѣла. Дѣло въ томъ, что въ концѣ параграфу' седьмого авторъ такъ опредѣляетъ проповѣдь: она есть „не огра-

ниченное ни мѣстомъ, ни временемъ живое устное слово христіанскаго пастыря, имѣющее въ основѣ своей идею царства Божія, раскрываемую въ духѣ православной церкви, и предлагаемое съ цѣлью содѣйствовать людямъ въ достиженіи ими вѣчнаго спасенія, чрезъ преобразование ихъ внутренняго міра“. Опредѣляя такъ высоко и вѣрно проповѣдь, авторъ однако не считаетъ нужнымъ сказать что нибудь о томъ, что въ проповѣди не ограничено ни мѣстомъ, ни временемъ, не зависитъ отъ обстоятельствъ,—именно о содержаніи проповѣдническаго слова (вѣдь не можетъ же слово быть безъ содержанія!), объ идеѣ, лежащей въ основѣ проповѣди, и о духѣ, въ которомъ должно раскрываться ея содержаніе, а вмѣсто того онъ уже въ слѣдующемъ параграфѣ сводитъ гомилетикѣ къ ученію о видахъ проповѣди, къ тому, что въ ней зависитъ отъ приспособленія къ слушателямъ, мѣсту и времени. Единственно что въ разсматриваемой гомилетикѣ въ цѣломъ отдѣлѣ относится къ ученію о принципиальной сторонѣ проповѣди, это ея введеніе *о проповѣдникѣ и его качествахъ*. Но и этотъ отдѣлъ изложенъ неудовлетворительно: онъ лишенъ идейнаго характера, ему недостаетъ идеи связи жизни проповѣдника съ его служеніемъ, идеи проповѣди какъ дѣла жизни. Здѣсь авторъ разсуждаетъ объ умственномъ образованіи и развитіи проповѣдника, объ отношеніи его къ общему характеру своего народа и духа времени, объ умственномъ и религіозно-нравственномъ состояніи пасомыхъ, какъ предметъ изученія со стороны пастыря, объ убѣжденности проповѣдника въ истинности проповѣдуемаго ученія, о согласіи его жизни съ ученіемъ, о его любви къ пасомымъ, о его молитвенномъ настроеніи и терпѣніи. Впрочемъ въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ другихъ, частныхъ хорошихъ и даже прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ авторомъ изъ разныхъ статей, много.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что недостатокъ, о которомъ мы говоримъ, ни въ малой степени не возмѣщается предварительными параграфами гомилетики. Третій параграфъ о цѣли проповѣди состоитъ всего изъ тринадцати строкъ. Параграфъ седьмой, въ концѣ котораго содержится вышеприведенное дѣльное опредѣленіе понятія проповѣди, умѣщается на пяти страницахъ и излагается догматически. Утверждая категорически, что пастырь долженъ проповѣдывать „дог-

матическія и нравственныя истины, имѣющія своимъ источникомъ слово Божіе или священное писаніе“, авторъ не хочетъ знать ни того, что въ гомилетикѣ Фаворова понятіе слова Божія, какъ источника проповѣди, расширяется до предѣловъ церковнаго ученія, со включеніемъ въ его объемъ церковныхъ обрядовъ, ни того, что отношеніе проповѣди къ догматическому церковному ученію и отношеніе въ проповѣди элементовъ догматическаго и нравственнаго—достойный и плодотворный предметъ для обсужденія въ гомилетикѣ. Съ большею подробностью авторъ останавливается на историческомъ очеркѣ гомилетики, но этотъ очеркъ излагается безъ всякихъ руководственныхъ и критическихъ замѣчаній автора и вообще, въ виду отсутствія въ разсматриваемой гомилетикѣ принципиальной точки зрѣнія, долженъ быть признанъ въ ней неумѣстнымъ. Въ этомъ пунктѣ авторъ сдѣлалъ безсознательную уступку гомилетической традиціи.

Отсутствіе принципиальной части въ гомилетикѣ Юрьевского невыгодно отражается на ея наличныхъ частяхъ. Эта невыгода обнаруживается въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ. *При отсутствіи принципиальнаго отдѣла, авторъ, волею-не-волею касаясь некоторыхъ частныхъ вопросовъ этого отдѣла, вынужденъ обсужденіе этихъ вопросовъ или безъ всякихъ основаній помѣщать въ одной какой нибудь изъ четырехъ частей своей гомилетики, или же повторять его въ разныхъ частяхъ.* Напр. о догматическомъ и нравственномъ содержаніи пастырской проповѣди, о ея элементахъ публицистическомъ и апологетическомъ авторъ разсуждаетъ въ отдѣлѣ о церковно-богослужебной проповѣди. Но почему же? Развѣ всѣ виды проповѣди не въ одинаковомъ смыслѣ имѣютъ догматическое или нравственное содержаніе, развѣ въ богослужебнымъ собесѣдованіямъ долженъ быть чужды публицистическій и апологетическій элементы, развѣ апологія вѣры не должна составлять дѣло законоучителя по крайней мѣрѣ средней и высшей школъ? Откройте соответствующія страницы сочиненія г. Юрьевского и читайте ихъ: вы никогда не отгадаете по содержанію, къ какой части относятся эти страницы. „Ясное сознаніе и представленіе того, во что должны вѣровать христіане, возбуждаетъ въ послѣднихъ глубокое искреннее чувство благоговѣнія предъ

Богомъ и Его святыми, чувство страха и вмѣстѣ любви къ Нему, чувство благодарности за Его благодѣянія къ падшему человѣку. Знаніе предметовъ вѣры, отчетливо выясненное понятіе о нихъ отражается довольно замѣтнымъ образомъ также и на нравственно-практической дѣятельности человѣка. Нравственныя идеи догматовъ православной вѣры уясняютъ для человѣка смыслъ его существованія, освѣщаютъ характеръ его отношеній къ своимъ ближнимъ, служатъ къ подъему нравственной энергіи, порождаютъ и укрѣпляютъ чувство христіанской любви къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и ко всѣмъ людямъ вообще“ и т. д. и т. д. Скажите: какому отдѣлу прилична эта рѣчь? Равнымъ образомъ приведенные выше въ отрывкахъ параграфы о способахъ приготовленія къ проповѣди и о психологическомъ элементѣ ея, вообще генезисъ и строй (церковно-богослужебной) проповѣди — почему приведены авторомъ именно во второй части? О какомъ видѣ проповѣди нельзя сказать, что она „естъ плодъ умственного труда проповѣдника, есть изложеніе его христіанскихъ убѣжденій, результатъ его мыслительной дѣятельности, направленной къ упорядоченію, расположенію и уясненію тѣхъ познаній и свѣдѣній, какія имъ пріобрѣтены (были) раньше относительно извѣстнаго предмета, и его личныхъ размышленій“? Къ какому виду проповѣди нельзя примѣнить требованія, что она „должна быть полна сильнаго и глубокаго психологическаго анализа“?

Мы привели нѣсколько примѣровъ безосновательнаго помѣщенія авторомъ отрывковъ принципіальнаго характера въ какой нибудь одной части. Не мало можно указать примѣровъ и обратнаго—именно повторенія одиѣхъ и тѣхъ же мыслей принципіальнаго характера въ разныхъ частяхъ. Такъ въ первой части о бесѣдахъ священно-историческаго содержанія авторъ пишетъ (§ 28): „Священная исторія сама по себѣ, въ своихъ историческихъ фактахъ, взятыхъ въ отношенія ихъ къ высшимъ задачамъ религіознаго образованія, не имѣетъ почти никакого значенія. Все значеніе ея сводится лишь къ тому, на сколько способна она своими разказами оказать вліяніе на развитіе въ дѣтяхъ нравственнаго и религіознаго чувства. Цѣль священно-историческихъ бесѣдъ далеко не тождественна съ цѣлью преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ гражданской исторіи. Не въ ознаком-

леніи дѣтей съ судьбой избраннаго еврейскаго народа заключается цѣль преподаванія библейской исторіи, но въ сообщеніи дѣтямъ религіозныхъ знаній, обогащеніи учащихъ представленіями нравственно-религіозной жизни, указаніи имъ образцовъ для подражанія, воздѣйствіи на ихъ нравственное чувство и стремленія“ и т. д. А вотъ что авторъ пишетъ въ третьей части о библейской исторіи какъ предметѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій (72): „При веденіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій по свящ. исторіи проповѣдникъ долженъ помнить, что цѣль его собесѣдованій не познакомитъ своихъ слушателей съ исторической судьбой еврейскаго народа, а извлечъ для нихъ поученіе и назиданіе. Задача священника—не въ томъ, чтобы сообщить народу спеціальныя и подробныя свѣдѣнія по библейской исторіи, не въ томъ, чтобы его прихожане подробно и отчетливо знали всѣ, напр., библейскія событія, лица, числа, собственныя имена и т. д.,—нѣтъ, свящ. исторія должна быть въ этомъ случаѣ не учебнымъ предметомъ, а живымъ высокимъ средствомъ къ религіозному наставленію и назиданію слушателей“ и т. д. Правда, первый отдѣлъ авторъ составлялъ по „реферату о преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ училищахъ“ свящ. Рождественскаго, „Методикѣ Закона Божія“ Соколова Ае., а третій по сочиненіямъ Маврицкаго В. „Воскр. и празд. внѣбог. собесѣд.“, Дьяченко „О воскресныхъ чтеніяхъ для народа“; но долженъ же онъ былъ замѣтить, что въ этихъ разныхъ пособіяхъ рѣчь по существу идетъ объ одномъ и томъ же предметѣ?. И при всемъ томъ, почему же онъ, кромѣ первой и третьей частей, не говоритъ о священно-историческихъ собесѣдованіяхъ во второй части?...

Примѣровъ въ этомъ родѣ невыгодныхъ слѣдствій отсутствія въ разбираемой гомилетикѣ общаго отдѣла можно было бы привести множество: о рѣдкомъ параграфѣ нельзя не сказать или того или другого,—или что его содержаніе повторяется въ другихъ частяхъ, или что оно несправедливо приурочено только къ одной части.

Другое невыгодное слѣдствіе указаннаго недостатка науки о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія сказывается въ неосновательности случайныхъ сужденій автора по тѣмъ или другимъ вопросамъ принципіальнаго характера. Не со-

единивъ этихъ вопросовъ вмѣстѣ, не подвергнувъ ихъ изслѣдованію связному, послѣдовательному и обстоятельному. авторъ, вынуждаясь касаться ихъ тамъ и сямъ, по необходимости *высказываетъ сужденія неосновательныя*, несмотря на серьезный и степенный тонъ, на внѣшнюю тщательную обработку. Примѣровъ этого также можно было бы привести множество; но мы ограничимся немногимъ. Въ параграфѣ 47 авторъ разсуждаетъ о лирическомъ элементѣ въ богослужебно-храмовой проповѣди, не давая себѣ яснаго отчета о предметѣ своей рѣчи. Воодушевленіе проповѣдника, теплота его рѣчи могутъ быть или плодомъ его христіанской убѣжденности, любви къ слушателямъ, духовной опытности, или же результатомъ художественнаго характера проповѣди. Это двѣ вещи весьма различныя, но авторъ этого различія не подозреваетъ. Сначала онъ говоритъ, что „лирической элементъ въ проповѣди—это непосредственное обнаруженіе въ ней самой личности проповѣдника“. Затѣмъ онъ приводитъ слова одного писателя, который, очевидно, разумѣетъ ораторское художественное дѣйствіе проповѣдникаго слова: „завладѣйте вполне вниманіемъ слушателей вашихъ. Возбудите ихъ сожалѣніе или негодованіе, симпатію или отвращеніе, или достоинство. Дѣлайте такъ, чтобы слушателямъ вашимъ *казалось*, что вы одушевляетесь ими. что вы вдохновляетесь ихъ вдохновеніемъ, *между тѣмъ какъ* не они васъ, а вы ихъ *движете*. Когда вы такимъ образомъ какъ бы отдѣлите всѣ эти души отъ ихъ тѣлъ; когда тѣсясь онѣ придутъ къ подножію вашей кафедры и когда вы будете владѣть ими даже силою одного взгляда вашего: тогда не шадите ихъ, ибо онѣ вамъ принадлежатъ, потому что поистинѣ всѣ эти души перешли въ вашу душу. Посмотрите, какъ онѣ слѣдуютъ за ея изгибами и отливами. какъ онѣ желаютъ, чего вы желаете. Продолжайте-жь безъ отдыха впередъ, ускорите вашу рѣчь, и вы увидите, какъ всѣ груди поднимаются, потому что ваша грудь подымается: какъ всѣ глаза начинаютъ горѣть, потому что ваши глаза огненны; или какъ они наполняются слезами умиленія, потому что вы растроганы. Да, вы увидите слушателей, слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ вашихъ устъ, или скорѣе вы ничего не увидите, вы сами будете побуждены вашимъ собственнымъ волненіемъ, вы преклонитесь, вы падете предъ

вашимъ геніемъ и тѣмъ болѣе будете краснорѣчивы, чѣмъ менѣе будете стараться выказать это!“ И наконецъ, нашъ авторъ дѣлаетъ отсюда выводъ („Итакъ“...) о глубокой сердечной вѣрѣ пастыря въ Бога, его любви къ пасомымъ...

Еще менѣе того авторъ подозрѣваетъ законность вопроса о художественномъ характерѣ проповѣди....

За исключеніемъ изъ каждой части гомилетики Юрьевского содержанія съ принципиальнымъ характеромъ, или повторяющагося въ разныхъ частяхъ или незаконно приуроченнаго къ какой нибудь одной части,—за этимъ исключеніемъ останется ли какой матеріалъ въ каждой изъ частей? Въ нѣкоторыхъ, повидимому, останется. Это особенно нужно сказать о первой части. Здѣсь авторъ излагаетъ не болѣе и не менѣе какъ... методику Закона Божія. Онъ разсуждаетъ о поступательной и совмѣстной системахъ преподаванія Закона Божія, о формахъ его—акроаматической и эротематической съ подраздѣленіемъ на эвристическую и контролируемую и даже предлагаетъ въ таблицахъ планъ преподаванія Закона Божія по концентрической системѣ въ начальныхъ школахъ... Все это со стороны автора оригинально, но... едвали основательно. Что методика Закона Божія неумѣстна въ гомилетикѣ, это очевидно для всякаго. А если это не очевидно для г. Юрьевского, то его убѣдить не трудно. Въ параграфѣ пятомъ своего сочиненія онъ такъ опредѣляетъ источники гомилетическихъ положеній: „Главными и первостепенными источниками и основаніями гомилетическихъ положеній, имѣющихъ для проповѣдника значеніе правилъ, совѣтовъ и указаній, служатъ: *прежде всего*: способъ ученія самого Господа Иисуса Христа... рѣчи пророковъ и апостоловъ... наставленія апостоловъ... *дальше*: постановленія церкви... *наконецъ*: законы психологіи и логики, правила педагогики и требованія теоріи словесности“. И вотъ методика Закона Божія утверждается исключительно на правилахъ педагогики въ ихъ премѣненіи къ Закону Божію и потому въ гомилетикѣ неумѣстна. Сущность проповѣдничества одинаково соединима (или несоединима) съ каждою формою преподаванія Закона Божія и потому послѣдняя должна быть всецѣло предоставлена благоусмотрѣнію законоучителя. Гомилетика имѣетъ дѣло съ сущностью проповѣдничества. Правила педагогики такъ же не могутъ въ нее

входитъ, какъ правила управленія голосомъ, выразительнаго чтенія. Гомилетика предполагаетъ ихъ навѣстными, все равно, нужны ли они для проповѣдника, или нѣтъ: она начинается за ихъ чертою. Подобнымъ образомъ въ христіанское ученіе о раздачѣ имущества не входитъ ариѳметика, въ теорію живописи и архитектуры не входятъ правила растиранія красокъ и обжиганія кирпичей. Въ старинныя времена гомилетику наполняли правилами изъ теоріи словесности и логики,—и это была старая схоластическая гомилетика; теперь хотятъ наполнить гомилетику правилами учебной педагогики и это будетъ новая схоластическая гомилетика.

И нашъ авторъ-гомилетъ изобличаетъ несостоятельность своей теоріи своею непослѣдовательностью: послѣ обстоятельныхъ и длинныхъ разсужденій о преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ школахъ, онъ ограничивается нѣсколькими строками по вопросу о преподаваніи Закона Божія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: почему же? почему бы ему не заняться методами чтеній по богословію въ университетахъ и академіяхъ?...

За исключеніемъ изъ каждой части гомилетики г. Юрьевского содержанія съ принципиальнымъ характеромъ, или повторяющагося въ разныхъ частяхъ или незаконно приуроченнаго къ какой нибудь одной части, и содержанія хотя съ частнымъ характеромъ, но неумѣстнаго въ гомилетикѣ,—за этимъ исключеніемъ что останется во всѣхъ частяхъ этой гомилетики? Достаточно для одного параграфа, но слишкомъ мало для цѣлой науки... Гомилетика есть наука характера принципиальнаго... Между прочимъ она должна выяснитъ и обосновать принципъ народности и современности проповѣди, но частное примѣненіе вытекающихъ изъ этого принципа видовъ проповѣди она должна предоставить свободному благоразумію проповѣдника. Если современная педагогика говоритъ о необходимости дать мѣсто личному творчеству и вдохновенію учителей, то проповѣдника ли Слова Божія стѣснять дробными гомилетическими правилами?...

Но неужели проповѣдникъ не долженъ сообразоваться съ правилами педагогики, словесности, съ правилами вырази-

тельнаго чтенія? неужели онъ долженъ быть только простымъ какъ голубь и не долженъ быть мудрымъ какъ змѣй? Пусть сообразуется. Но пусть этого требуютъ отъ него педагогика, словесность, а не гомилетика; пусть послѣдняя не принимаетъ правилъ педагогики, словесности, выразительнаго чтенія въ себя, не придаетъ имъ своего авторитета, пусть она съ своей стороны предполагаетъ въ проповѣдникѣ живого человѣка, пусть она съ своей стороны даетъ ему свободу по отношенію къ этимъ правиламъ. Евангеліе требуетъ отъ насъ голубиной простоты и змѣиной мудрости, но научаетъ оно только голубиной простотѣ... Такъ и гомилетика. Она не защищаетъ проповѣдника отъ требованій педагогики и словесности; но лишь только она сама наполнится правилами этихъ наукъ, она необходимо сдѣлается схоластическою и за чуждыми ей правилами забудетъ сущность и духъ проповѣди... На практическія нужды здѣсь нельзя ссылаться. Вѣдь миссіонеръ, отправляющійся въ Китай, долженъ знать китайскій языкъ, однако не дѣло гомилетики обучать его китайскому языку. Также не должны имѣть въ ней мѣста методика Закона Божія, или исторія языческихъ религій, обличительное богословіе, исторія и обличеніе раскола...

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе относительно самой четырехчастности гомилетики Юрьевского. И съ его точки зрѣнія одна изъ этихъ частей не должна существовать. Если онъ опредѣляетъ проповѣдь, какъ „неограниченное ни мѣстомъ, ни временемъ живое устное слово христіанскаго пастыря“ и т. д. и если въ случаяхъ проповѣди храмовой или школьной проповѣдникъ приспособляется къ особому мѣсту или времени или слушателямъ; то очевидно, что въ случаѣ собесѣдованій внѣшкольныхъ и внѣбогослужебныхъ, обращенныхъ къ тѣмъ же слушателямъ, которые наполняютъ храмы и школы, не можетъ быть никакого *особаго* приспособленія къ мѣсту, времени и слушателямъ. Не удивительно, что авторъ въ третьей части повторяетъ содержаніе первыхъ двухъ частей...

Итакъ обширное сочиненіе г. Юрьевского, какъ наука, должно быть признано трудомъ очень слабымъ; но какъ сборникъ статей по гомилетикѣ преимущественно изъ „Руководства для с. паст.“, изложенныхъ въ сокращеніи и нѣ-

которой системѣ, оно должно быть признано заслуживающимъ полнаго уваженія. Отъ души желаемъ скорого выхода въ свѣтъ этого сочиненія въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ и распространенія его въ средѣ духовенства.

М. Гарчевъ.
